

Двое суток повозка тряслась и качалась на ухабах, пока наконец не остановилась перед воротами небольшого деревенского двора.

Лучи закатного солнца озаряли приземистую мазанку во дворе, покрывая бедное жилище тёплой позолотой. Как раз подошёл час готовить ужин, и над крышей вился тонкий дымок очага, медленно растворяясь в небе.

Эта бесконечная дорожная тряска так и не привела Се Цзиньхуаня в чувство. Боль в раненой ноге саднила, и даже в забытии брови его оставались крепко сведены, а временами слышался один-другой мучительный стон в бреду.

Сюй Янь всё время следил за его пострадавшей ногой и, стоило раздаться стону, менял положение левой ступни, устраивая её поудобнее.

Как только повозка замерла, Сюй Юй первым соскочил на землю, распахнул ворота и быстрым шагом скрылся внутри.

— Папа! Мама! Мы вернулись!

Сюй Янь уже собрался вынести юношу, но возница вцепился в него, не пуская. Мол, перепачкали повозку — надо чистить, а ещё они должны были сойти прямо в поселке, а провёз он их лишний конец — значит, надо доплачивать особо.

— Сколько?

Возница задрал подбородок:

— Восемьдесят медяков!

Сюй Янь не захотел с ним препираться, заплатил, подхватил так и не очнувшегося Се Цзиньхуаня и вошёл во двор.

Крик Сюй Юя переполошил всех, кто был в доме.

Из пристройки, где помещался очаг, выглянул дюжий, плечистый мужчина средних лет, с необъятной талией и могучим торсом.

Поперёк лица у него тянулся старый бледный шрам, отчего облик казался свирепым. Тёмная кожа лоснилась от пота. Это и был отец Сюй Яня и Сюй Юя — Сюй Цзиншань.

Он как раз точил свой издававший виды нож для разделки свинины, но, услышав голоса вернувшихся сыновей, тут же бросил это занятие, и в голосе его прозвучало облегчение:

— Наконец-то вернулись.

Однако улыбка ещё не успела расцвести на его лице, как он краем глаза заметил ношу на руках Сюй Яня. Подойдя ближе и вглядевшись, он шумно втянул воздух, и его круглые, точно медные колокольцы, глаза выпучились ещё сильнее.

— Ай-яй, мать честная! Яньэр, это что ж ты за находку приволок?

Голос его гремел мощно, налитый силой, да так, что куры во дворе захлопали крыльями от испуга.

Не успел он договорить, как из главного дома поспешно вышла женщина лет сорока с недоконченной обувной подмёткой в руках.

При виде открывшейся картины она тоже ойкнула, едва не выронив подмётку наземь; лицо её выражало совершенное потрясение.

— Это... это чей же ребёнок? Как же он так изувечился?

Она метнула быстрый взгляд на дорогу за воротами и понизила голос:

— Живо, живо в дом! Там поговорим!

Сюй Янь понёс юношу через двор, но на полпути свернул напрямик в свою комнату.

Он бережно уложил его на кровать. Маленький гэр был без чувств и лишь при соприкосновении с постелью издал слабый стон.

Не успела Шэнь Сюмэй переступить порог следом за ними, как тут же подоспел и отец Сюй. Он нахмурился, и его свирепое лицо вкупе с испытующим взглядом, верно, напугали бы Се Цзиньхуаня, если б тот был в сознании.

Муж с женой почти хором спросили:

— Что стряслось? Откуда этот ребенок? Как ногу-то сломал?

Сюй Юй кинулся объяснять скороговоркой:

— Пап, мам! Мы его на дороге из уезда подобрали. Он совсем без памяти был. Не могли же мы с братом смотреть, как человек погибает, вот сразу и отвезли его в лечебницу. Лекарь сказал: кость сместилась, не вправить сразу — без ноги останется. А он так и лежал без сознания. Мы и не могли его там бросить одного. Вот... вот и привезли...

— Подобрали?

Отец Сюй выслушал, и брови его сошлись в тугой узел. Он переводил взгляд с едва живого юноши на кровати на своего старшего сына и прогудел густым басом:

— Яньцзы, подобрать живого человека — ещё куда ни шло. Но это же гэр. Что люди-то скажут, слух пойдёт?

Хотя слова его звучали так, в тоне не слышалось особого укора — скорее, изумление и досада из разряда «как теперь это всё разгрести».

Мать Шэнь Сюмэй легонько приложила ладонь тыльной стороной ко лбу Се Цзиньхуаня. Убедившись, что жар спал, она с облегчением вздохнула.

Оглядев зафиксированную дощечками ногу, она тоже расстроилась:

— Отец, да ты глянь, как дитя изранено, лежит недвижим. Разве можем мы его бросить? Не выкидывать же обратно в канаву, на съеденье диким псам?

Отец Сюй под напором жены смягчился; свирепое лицо его немного потеплело.

— Помочь, конечно, надо! Неужто мы, семья Сюй, допустим человека погибели? Но... но вот ведь что...

Он ткнул пальцем в Се Цзиньхуаня:

— Мальчишка неизвестно откуда, и к тому же гэр. Будет жить у нас полмесяца... Сама знаешь, до чего языкасты деревенские бабы. Слухи пойдут, а Яньцзы-то ещё не женат!

Шэнь Сюмэй отмела сомнения без колебаний:

— Чего бояться? Я что, Шэнь Сюмэй, стану бояться каких-то сплетниц? Кто посмеет языком чесать — пойду и встану у её порога браниться на три дня и три ночи!

Отец Сюй, видимо, хорошо знал, на что способна супруга. Почесав в затылке, он благоразумно примолк.

Сюй Янь устроил больного и глухо проговорил:

— Пап, мам, я понимаю, что вас тревожит.

Перед тем как привезти его домой, он и сам об этом думал.

— Положение было отчаянное, он лежал без сознания. Лекарь сказал: ни рану, ни жар откладывать нельзя, без присмотра никак. Не мог же я бросить его посреди улицы.

Он помолчал и перевёл взгляд на грубое, но открытое лицо отца.

— Что до разговоров — пока он поправляется, я буду держаться в стороне, насколько возможно. Эта комната пока достанется ему. А я переберусь спать к Сюй Юю. Что до его еды — об этом я позабочусь сам. Завтра же выйду с тобой к лотку.

Отец Сюй поглядел в прямой и открытый взгляд сына, потом на несчастного маленького гэра на постели и лишь сокрушённо вздохнул:

— Э-эх...

— Ладно уж, ладно! Раз приволок человека в дом — не обратно же теперь выкидывать? Взялись спасать — надо спасать до конца!

С этими словами он повернулся к Шэнь Сюмэй:

— Мать, ты тут приберись да посмотри, а я пойду к очагу. Сегодня как раз есть хорошая свиная мосла, что я для бульона припас. Вот и поставлю вариться. Очнётся ребенок — будет чем подкрепить силы!

Не дожидаясь ответа, он порывисто, по-хозяйски развернулся, и его могучая фигура с прежней кипучей энергией устремилась к очагу, словно и не было никаких ранее колебаний.

— Ай! Ладно! — на лице Шэнь Сюмэй расцвела улыбка, и она торопливо закивала.

Раз уж решение принято, она больше не раздумывала и сразу перешла к делу.

Первым делом обратилась к Сюй Яню:

— Яньэр, ступай-ка к очагу, вели отцу вскипятить целый большой котёл горячей воды!

А следом к Сюй Юю:

— Юйэр, беги ко мне в комнату и возьми укладку со старыми вещами, что в самом низу сундука. Там есть несколько вещиц, что я носила по молодости. Выбери что попроще да поскромнее и принеси.

Раздав им поручения, Шэнь Сюмэй торопливым шагом вышла за ворота и вскоре вернулась, ведя за собой чистенького и миловидного гэра лет пятнадцати-шестнадцати из соседнего двора.

— Шуй-гэр, тётушка хотела бы попросить тебя об одном деле.

Линь Шуй не понял, в чём суть, но, заметив серьёзное выражение лица тётушки Шэнь, поспешно закивал:

— Вы только скажите, я слушаю.

Шэнь Сюмэй вкратце пересказала историю Се Цзиньхуаня, опустив, однако, слово «подобрали», и сказала лишь:

— Приехал ко мне дальний племянник со стороны моей родни. Семья его претерпела бедствие, и он остался один-одинёшенек. Еле разыскал нас, чтобы приклонить голову, да вот беда — шёл по дороге, упал и повредил ногу. И жаром его схватило, до сих пор лежит без памяти.

Она вздохнула:

— И вот беда: весь перепачкан так, что не отмыть. Надо бы обтереть да переодеть в чистое, чтоб можно было лечить рану. А у нас в доме одни грубые мужики, руки корявые, несподручно нам. Пришлось тебя просить, помощи.

Линь Шуй выслушал, и сердце его сразу же наполнилось состраданием:

— Так вот оно что... Да, натерпелся же он горя. Тётушка, не волнуйтесь, это дело мне по рукам. Я полегоньку да аккуратненько, приведу его в порядок.

<http://bllate.org/book/19685/1949372>